

о том, что в период древнего царства майя «боги появляются лишь как украшения изображенных жреческих фигур, например на головных уборах, на щитах и змеинообразных скипетрах» (стр. 154). В действительности мы имеем ряд памятников этого периода, на которых изображены божества; таковы, например, стелы 40 и 14 из Пьедрас Неграс, притолока 24 из издания 23 в Яшчилане, где совершенно явно изображен жрец перед статуей божества, и т. д.

Рассматривая конкретный исторический материал, например становление ацтекского общества после победы над Аскапоцалько или возникновение инкского государства, Диссельгоф дает в основном верные социальные характеристики (в указанных случаях он применяет термин «раннеклассовое» общество). Правильным представляется и его тезис о том, что пышный расцвет классических культур Центральной Америки основан на внедрении интенсивного земледелия (стр. 166). Но как только автор хотя бы немного отходит от конкретных данных письменных источников или пытается интерпретировать в этом направлении археологический материал, то выясняется, что, пользуясь определенными терминами, он не всегда конкретно представляет себе их содержание, не видит подлинной специфики исторического развития. Для примера укажем на утверждение Диссельгофа о том, что «более богатые погребения не могут служить доказательством более высокого социального положения захороненного». По мнению автора, это зависит только от степени материального благосостояния всего поселения в целом (стр. 39). С другой стороны, Диссельгоф склонен утверждать, что победам конкистадоров в Мексике и Перу «способствовал местный пролетариат» (стр. 145). Пирамида в Куикуилько (относящаяся к последнему периоду «Средней культуры», т. е. к эпохе неолита) свидетельствует, по его словам, о могуществе жрецов, «являвшихся одновременно и светскими властителями» (стр. 44). В этих и многих других случаях ясно видна слабость теоретических позиций автора.

Р. Кинжалов

НАРОДЫ ОКЕАНИИ

P. Worsley. *The Trumpet Shall Sound. A Study of «Cargo» Cults in Melanesia.* London, 1957.

В течение последних десятилетий на островах Меланезии почти не прекращаются вспышки своеобразных религиозных движений, которые в силу указанных ниже особенностей автор рецензируемой книги называет «милленаристскими». То там, то здесь объявляются прорицатели и пророки, провозглашающие скорый конец мира в результате всеограшающего катаклизма.

Вслед за тем, вешают они, вернутся предки, или снизойдет божество, или появится какая-либо иная освободительная сила, неся с собой все, чего только желают люди, а белые колонизаторы погибнут или будут изгнаны вон; и тогда наступит царство вечного блаженства и изобилия. Следуя указаниям прорицателей, люди готовят себя ко дню конца мира; они создают культовые организации, члены которых выполняют сложные обряды и соблюдают множество запретов, они сооружают склады и пристани, нужные для получения ожидаемых товаров, так называемых «cargo» (на местном жаргоне английского языка); они отказываются платить налоги и выполнять распоряжения колониальной администрации. Нередко аборигены забрасывают свои огороды, истребляют своих домашних животных — собак и свиней, съедают на пиршествах все запасы пищи и выбрасывают деньги — все это в предвкушении грядущего изобилия кажется им теперь уже ненужным.

Что это за движения? В чем их сущность? Какова их роль в жизни сотен тысяч папуасов и меланезийцев, населяющих островной мир Меланезии? Ответу на эти вопросы и посвящена интереснейшая книга Питера Уорсли.

Колониальная администрация, миссионеры, а тем более сравнительно немногочисленные в Меланезии тредеры (торговцы) и плантаторы мало интересовались движениями указанного рода и замалчивали их, пока эти движения не начинали казаться им опасными для их безраздельного господства. Тогда колонизаторы прибегали к репрессиям и тут уж в своих отчетах, статьях и сообщениях не скупились на черные краски и ложь, расписывая «мерзость» очередного искореняемого ими религиозного культа, «безнравственность» его приверженцев и «психическую ущербность» его руководителей. Вплоть до последнего времени в подобных писаниях отчетливо прослеживается тенденция преувеличивать религиозную одержимость, мистицизм и даже психопатию приверженцев религиозных движений в Меланезии. В то же время колонизаторы всеми силами пытались и пытаются скрыть, что религиозные культы по существу не что иное, как своеобразная форма борьбы против колониализма. Именно в этом прежде всего и убеждает нас книга Питера Уорсли.

Скупыми, но точными и беспощадными штрихами рисует автор картины бесчисленных преступлений против человечности, совершенных и совершаемых колонизаторами на земле меланезийцев и папуасов. Работоторговля, насильственное отчуждение удобных земель, бессовестный грабеж под видом товарообмена, неограниченная эксплуатация на горных разработках и плети плантаторов, проповедь христианского смирения и карточь карателей, алкоголь и венерические болезни, тюрьмы и виселицы — вот неполный перечень даров, преподнесенных папуасам и меланезийцам его величеством колониализмом. Нужно ли удивляться, что аборигены становились на путь вооруженной борьбы всюду, где только у них доставало решимости. Но слишком уж неравными были силы, и все попытки восстаний были потоплены в крови и задушены в дыму пожаров.

И все-таки борьба продолжалась. Подспудно, незаметно для колонизаторов в Меланезии медленно, но неодолимо росли и крепились новые силы сопротивления. Умело и искусно интерпретируя собранный им материал, автор показывает, почему, в силу каких конкретных исторических причин борьба с колониализмом в Меланезии могла и должна была вначале принять религиозную форму, именно форму милленаризма.

В Меланезии каждое селение было замкнутым мирком, весьма мало связанным с другими селениями, а нередко прямо враждующим со своими соседями. Часто были различны даже языки соседних деревень. Каждая деревня почитала также собственных богов, духов, легендарных предков и т. п. Все это являлось препятствием на пути к объединению антиколониальных сил.

Установление колониального режима, на первый взгляд, отнюдь не способствовало разрушению всех этих перегородок и границ, ибо колонизаторы были непосредственно заинтересованы в сохранении отсталости местного населения — так легче было удерживать его в повиновении. Но вторжение европейцев в Меланезию и включение ее в систему мирового капиталистического рынка вызвали к жизни совершенно новые, не предвиденные колонизаторами явления. Особенно значительное влияние на местную социальную организацию оказали, по мнению автора, во-первых, практика законтрактанного труда на плантациях и в горном деле (стр. 36 сл.) и, во-вторых, активная деятельность колониальной администрации и особенно миссий (стр. 41 сл.).

Труд по контракту на целые годы вырывал людей из узких границ деревенской общины, сталкивал их лицом к лицу с техникой и отношениями капиталистического мира, неизмеримо расширял их горизонт и рано или поздно приводил их к выводу о том, что у всех аборигенов, независимо от языка или места происхождения, существуют общие интересы, направленные на защиту их прав против всех колонизаторов¹.

С другой стороны, даже те аборигены, которые подпали под влияние миссионеров, в конце концов убеждались в том, что их духовные отцы отнюдь не всегда и не везде поступают в духе своего учения и что это также относится и к колонизаторам недуховного звания. В то же время в глазах туземцев религиозное, то есть духовное, могущество миссионеров и их материальное богатство были неразрывно связаны между собой. Ничего не зная о труде, который создает бесчисленные богатства белых, туземцы приходили к мысли о сверхъестественном происхождении этих богатств.

Все это вместе взятое и создало почву для выражения социальных и экономических чаяний коренного населения в религиозной форме, которая, подчеркивает Уорсли, «никоим образом не может быть приписана некоему врожденному мистицизму или религиозности самих меланезийцев» (стр. 44), как пытаются это утверждать многие буржуазные авторы.

За странной формой вычурных и, на первый взгляд, даже нелепых обрядов, верований и поступков скрывается вполне реальная и понятная мечта аборигенов сбросить с себя ненавистное иго колониализма.

Опираясь на тщательный анализ десятков религиозных культов Меланезии, имеющих распространение в разное время и в разных местах, Уорсли приходит к выводу, что религиозно-мистическая обрядность таких культов в наибольшей степени развивается в районах первоначального контакта с колонизаторами, т. е. там, где новые социально-экономические отношения еще не совершили своей разрушительной работы внутри местного общества, там, где аборигены целиком еще находятся в плену первобытной религии. Добавьте к этому активнейшую деятельность миссионеров, и вам станет понятным, почему в подобных случаях борьба папуасов и меланезийцев против колонизаторов находит свое идеологическое обоснование в форме религиозно-мистических учений, в которых религиозные представления их отцов и дедов причудливо переплетаются с по-своему переосмысленными догматами христианской религии.

И все же, говорит автор, несмотря на весь религиозно-мистический груз таких учений, в них есть один очень важный прогрессивный элемент. Эти учения, как правило, выходят за узкие границы деревни и племени. Эти культы объединяют, сплачивают жителей разных деревень, представителей разных племен, иногда охватывая значительные районы. Эти движения постепенно вырабатывают элементы нового, надпле-

¹ Характерно, что руководителями антиколониальных движений являются по большей части либо бывшие служащие местной администрации, либо отбывшие срок контракта рабочие, либо демобилизованные из армий, т. е. люди, которые в наибольшей степени освободились от племенной ограниченности своих односельчан (стр. 79, 186, 216 и др.).

менного единства коренных жителей, создавая у них «новые общие интересы» (стр. 66, 227—228). Подчеркивая именно эти черты в милленаристских движениях Меланезии, автор говорит об образовании зачатков «национализма» (стр. 54), о «протонационализме» (стр. 58, 193, 255 и др.). Можно, конечно, спорить с автором о приемлемости именно этих терминов, но сущность происходящих процессов понята им, как нам кажется, правильно.

Правильность вывода, сделанного Уорсли, подтверждается и характером эволюции исследуемых автором религиозных движений. Во-первых, если в более ранних движениях религиозно-мистические элементы обильнее и резче выражены, почти полностью скрывая то неодолимое стремление к освобождению от ига колонизаторов, которое составляет рациональную сущность всех этих движений, то чем ближе к нашим дням, тем явственнее обнаруживаются освободительные устремления аборигенов, тем слабее религиозно-мистические элементы в учениях их руководителей. Во-вторых, культы, существовавшие сравнительно долго (например, движение Палиау на островах Адмиралтейства или движение «массинга» на Соломоновых островах), обнаруживают с течением времени хорошо прослеживаемую тенденцию к отбрасыванию элементов мистики, религии и массовой истерии; приверженцы этих культов сплываются постепенно в группы или организации, имеющие вполне рациональные программы борьбы за политические, социальные и экономические права коренного населения, а руководители культов нередко становятся первыми лидерами разгорающегося национально-освободительного движения.

Переходя к взглядам автора на будущее милленаризма в Меланезии, следует предварительно сказать, что он делит все милленаристские движения на активные и пассивные (стр. 12, 255). Характерной чертой активных движений, а именно о них идет речь в рецензируемой книге, является то, что участники их, веря в близкое начало золотого века, активно к этому готовятся.

Активные движения, если так можно выразиться, оптимистичны, их «цель» близка и реальна, и они собирают вокруг себя все самое деятельное, самое решительное и радикально-настроенное до тех пор, пока передовая часть общества не находит новых, более совершенных средств организации и более действенных форм борьбы. Тогда, потеряв лучшую и активнейшую часть своих членов, милленаристские движения постепенно перерождаются, среди их приверженцев остаются лишь люди, исполненные неверия в свои силы, люди пассивные, готовые покорно ждать торжества справедливости в грядущих веках или даже на том свете.

В Меланезии действительно наблюдается переход аборигенов к более реалистичным и прямым или, как выражается Уорсли, «ортодоксальным» формам борьбы (кооперативное движение, борьба за местное самоуправление и т. д.), переход, особенно ускорившийся в послевоенные годы. Исходя из этого факта, автор книги склонен думать, что милленаризм в Меланезии уже завершает активную фазу своего существования, что он «обречен на исчезновение или на превращение во второстепенную форму выражения политических чаяний среди отсталых элементов» и что он, «возможно, последует по тому же пути, каким развивались аналогичные движения в других странах, превратившись впоследствии в пассивные секты» (стр. 255).

Что же касается «ортодоксальной политической борьбы», то этим путем, с точки зрения Уорсли, народы Меланезии могут добиться развития своей экономики «при существующих условиях». Автор даже высказывает предположение, что такой путь представляет «более реальную угрозу господству колонизаторов и в конечном счете более выгоден для местных интересов, чем милленаризм» (стр. 169).

Приведет ли, однако, этот путь к действительному подъему экономики и культуры народов Меланезии?

Материал, собранный в книге Уорсли, свидетельствует о том, что для этого необходима решительная, коренная ломка самых основ колониальной системы.

Так или иначе, мы признательны автору за то, что он беспощадно разоблачил подлые по своей сущности измышления некоторых буржуазных ученых о психопатической сущности милленаризма у отсталых народов колониального мира, за то, что он отверг и те буржуазные теории, которые видят в милленаризме отсталых народов стремление уйти от печальной действительности, стремление прежде всего сохранить хотя бы жалкие остатки своей исчезающей культуры.

Нет, говорит Питер Уорсли всем этим теоретикам, меланезийцы и папуасы Меланезии такие же люди, как и мы с вами, и так же, как и у нас с вами, их мечты и помыслы, их дела и их борьба нацелены в будущее. Книга Уорсли, и в этом ее большое достоинство, по-настоящему человечна. Не теряя из виду широкой исторической перспективы, автор ни на минуту не перестает видеть в аборигенах Меланезии живых людей с их сложной и богатой духовной жизнью, с их общим для всех людей мира стремлением к истине и справедливости.

В. Бахта